

Фото любезно предоставлено автором

Юрий Рогоза — писатель, автор романов, мюзиклов, сценариев фильмов и сериалов. Литератор, которому блестяще удаются разные жанры: от текстов песен до остросюжетных детективов. Он умеет держать в напряжении с первой страницы и первой серии до финального эпизода! Самый известный сериал, снятый по его сценарию, — «День рождения Буржуя», — пожалуй, смотрели все телезрители страны.

Стивен Райт почти воплотил в жизнь американскую мечту и покориł Нью-Йорк. Но наступила черная полоса. Карьера Стива рухнула, босс, выжав из его таланта максимум, выбросил на улицу, а единственный родной человек доживает последние дни. Если бы не поддержка лучшего друга Ли, Стив свел бы счеты с жизнью. Но вот однажды судьба дает ему знак. На одной из вечеринок он слышит от подвыпившего гостя о молодой ведьме Ханне, живущей в каком-то захолустье. А ведь это шанс вернуть удачу! О планах найти ведьму Стив рассказывает бездомному, которого весь Манхэттен знает под прозвищем Американский Герой. Тот, указывая дорогу к Ханне, предостерегает Стива: за каждое чудо нужно платить. Какой же будет цена для Стивена?

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9288-8

9 786171 292888

ЮРИЙ РОГОЗА

ХАННА *Ведьма*

ЮРИЙ РОГОЗА

ОТ СЦЕНАРИСТА «ДНЯ РОЖДЕНИЯ БУРЖУЯ»

ХАННА
Ведьма

КСД

ОТ СЦЕНАРИСТА
«ДНЯ РОЖДЕНИЯ БУРЖУЯ»

ЮРИЙ РОГОЗА

ХАННА
Ведьма

Роман

ХАРЬКОВ
2022 КСД

УДК 821.161.1
Р59

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

ISBN 978-617-12-9288-8

© Ю. Порога, 2021
© DepositPhotos.com / Alex-
Hulko, обложка, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», издание
на русском языке, 2022
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», художе-
ственное оформление, 2022

Жизнь — она совсем не такая,
какой люди ее видят...

*Полковник в отставке Дэн Митчелл,
известный многим в Манхэттене
как бомж по кличке Американский Герой*

ГЛАВА 1

Винс Шерман всегда был идиотом. Но в этот вечер превзошел самого себя.

— Ус-с-с-аться можно!.. — в который раз восторженно выдал он, давясь смехом и проливая виски на дорожный костюм от Дюпона. — Нет, реальная ведьма, клянусь! Худющая как скелет, глазенки черные, одета в лохмотья... Нет, а главное — черт меня дернул свернуть! Ехал бы себе по 95-му! Дорогу хотел сократить, мудака... Правда, тогда бы я всего этого не увидел! А так, говорю вам, уссаться можно!..

Вечеринка только началась, поэтому неудивительно, что толпа вокруг Винса, который уже пришел то ли пьяный, то ли обкуренный, а скорее всего, и то и другое, собралась довольно большая. Самодовольные рожи, надменные улыбки, идеальные костюмы... Кого-то из стоящих рядом я знал, кого-то — нет. Как обычно.

Дело происходило в антикварном салоне Ричарда Миллса (он терпеть не мог, когда его называли Диком или Ричи), художавого блондинистого гея с грустными глазами, переехавшего в Нью-Йорк из Лондона года четыре назад, открывшего салон и сразу решившего организовать «мужской клуб», как он сам выражался. Собирая раз в месяц модных ребят из шоу-бизнеса, художников, владельцев галерей и просто богатых бездельников, вечно не знающих, как убить время, подданный Ее Величества, ясное дело, мечтал создать

у себя уютный педерастический рай, но вместо этого вынужден был терпеть толпы орущих пьяных мужиков, которые ближе к концу гулянки, напившись шарового виски и от души насмеявшись, начинали названивать женам, подружкам и блядям, чтобы продолжить праздник жизни.

Нет, геев среди гостей Миллса тоже хватало — в этом городе и в нашем бизнесе с ними, слава богу, сложилось, — но именно здесь, в «мужском клубе», тихие и аккуратные, они жались в робкие стайки по углам, вздрагивая от взрывов пьяного хохота и изредка начинающих под конец вечеринки драк. И именно здесь, как это ни дико, становилось понятно, почему их называют «сексуальным меньшинством». Не случайно умный Ли был здесь всего-навсего один раз — первый и последний. И то почти сразу ушел. Успев, правда, разбить в кровь морду известному критику, который ласково ущипнул его за задницу.

«А ты-то сам, Стиви, что делаешь здесь?» — спросил бы я себя в другой раз. Но именно сегодня я точно знал, что делаю на вечеринке у Ричарда Миллса. Все сходилось. Все происходило именно так, как и должно было быть. Жизнь делала предсказанный мне поворот. Мир колдовал. Чувство было незнакомым и радостно-тревожным.

Взятый с подноса стакан с толстой золотистой полосой виски на дне я лишь погрел в ладони и поставил обратно, как только услышал первые слова пьяно хихикающего Винса Шермана. Потому что было ясно: сколько бы людей его ни слушало, его рассказ предназначается одному человеку в мире. Мне.

Надо было выслушать его еще раз, пока Винса не развезло окончательно или пока он не перешел к своей лю-

бимой теме — к преимуществам секса с проститутками-гермафродитами.

Слава богу, пока еще этого не произошло, и Винс, упиваясь ироничным вниманием гостей, до сих пор рассказывал о своем приключении. По кругу. Раз в пятый или шестой. Суть я уже знал, как и все стоящие вокруг со стаканами в руках. История сводилась к тому, что, возвращаясь неизвестно откуда в Манхэттен, он решил сократить дорогу. Съехал с девяносто пятого фривея и, проезжая через какой-то захолустный городишко («Не забыть название, не забыть название...» — как мантру твердил я про себя), со всей дури влетел передком «мерседеса» в грудь металла — в ковш от старого трактора или типа того.

— Прямо посреди дороги лежала, мать ее еб!.. — восторженно блестя глазами, убеждал слушавших Шерман. — Отвратительная ржавая грудa железа! Нет, серьезно! Прямо. Посреди. Дороги. А я ехал миль под шестьдесят! Уссаться можно...

Уислрод-Таун, если верить Винсу, оказался редкой дырой. Зато какой-то ночной алкаш за несколько баксов познакомил его, впавшего в отчаяние и вынужденного ждать утра, с единственной достопримечательностью городка (я уже знал, что ни за что не забуду его названия) — местной полоумной, умеющей творить чудеса.

— Домишко — нет, хижина дяди Тома — отдыхала, блядь!.. — Винс сделал большой глоток виски, и глаза его засверкали совсем нехорошо, он таки явно принимал сегодня какую-то гадость, кроме спиртного. — Вхожу. Она вроде как и не заспанная совсем, хоть на дворе четыре часа! Но страшная!!! Мало места, я отвечаю! И сколько лет — не скажешь. Может, двадцать, может, сорок, хер ее знает. Имечко тоже дивное: Ха-н-на!

Я чуть не охуел, как услышал. В общем, развлекался я часа два. «Что ты можешь, волшебница, блядь?» — спрашиваю. Молчит. Тут меня осенило! Говорю: «Десять долларов можешь превратить в сто? Вот держи!..» Протягиваю ей бумажку, а она ее даже в руки не взяла, а я смотрю — сотка! Реальная сотка! Ну что вы ржете, вашу мать?! Что ржете?! Я же говорю — уссаться можно... Дальше, говорю, слушай, вот у меня кошелек черный, да? Можешь его зеленым сделать? Достаяю — зеленый!..

Толпа вокруг, уже разогретая дармовым виски, хрипло и обидно рассмеялась.

— Да я отвечаю! — обиженно взвился Шерман, уронив разлетевшийся на мелкие колючие брызги стакан и неловко вытаскивая из заднего кармана большой потертый бумажник противного зеленого цвета. — Смотрите, блядь!

Но гости только заржали еще громче, на миг заглушив живую музыку — в глубине студии приглашенное эстетом Ричардом струнное трио исполняло что-то очень ненавязчивое и красивое.

— Ладно, хер с вами, не хотите — не верьте! — Обиженный Винс схватил с подноса еще один стакан с виски. — Придурки! А хоть как все закончилось, знаете? Так послушайте! Ладно, говорю, хватит, спасибо. А можешь сделать так, чтобы вот прямо сейчас приехал эвакуатор, а то у вас тут, в жопе мира, даже сотовая связь глючит? А она так помолчала секунду и говорит: «Вам не нужен эвакуатор. Я сделала так, что ваша машина стала абсолютно целой».

Выглядываю во двор — чуть не рухнул! Стоит моя красавица — целехонькая, нетронутая... А главное, этот ковш гребаный — ну об который я долбанулся — прямо перед ней, в нескольких футах, тоже никуда не делся!

Тут-то я в ее чудеса и поверил. По полной программе. Даже испугался малость.

— Пора тебе наркотик сменить, Винс, дружище. Нет, кроме шуток. Если так глючит, это уже для здоровья не полезно, — отозвался кто-то, невидимый мне.

— Не веришь? — спросил Шерман, но тут же успокоился, глотнув виски. — Хотя ничего удивительного, я бы и сам не поверил.

— А что ж она в таком говне живет, эта твоя Ханна? А? Если она все может? — спросил похожий на свинью румяный толстяк, стоявший рядом со мной. — Что-то не сходится!

— Не поверишь, я и сам спросил! А она глаза опустила и тихо так говорит: «Я ничего не могу просить для себя лично. Нельзя. Можно только для других. Иначе дар уйдет». Я ей дал под конец всего-навсего пятерку. Думал, она вой поднимет — типа мало и все такое, — а она лишь глазищи опустила и — спасибо... Разбудил среди ночи, заставил фокусы показывать — получил новую машину. И все это за пять баксов! А эта малахольная — «спасибо».

Толпа слушающих начала рассасываться. Кто-то тихо посмеивался, большинство вообще говорили о другом, уже забыв о бреднях Винса Шермана. И, конечно же, ему никто не поверил. Ни один человек.

Кроме меня. Я поверил каждому его слову. Я шел сюда в ожидании чуда, которое было мне предсказано. И все сошлось: я услышал о нем, как только вошел в уютный полумрак салона, не успев пригубить виски. А теперь не отдам никому — слишком уж давно в моей жизни не происходило чудес. Особенно добрых.

Оставалось уйти, не привлекая особенного внимания. Я прошел чуть ближе к выходу, остановился около окна.

Осенний Виллидж по ту сторону стекла был потрясающе, нереально красивым. Как открытка-поздравление с таинственным праздником, о котором знают немногие.

Я сразу почувствовал прикосновение легкой, словно женской, руки.

Я оглянулся. Основатель «мужского клуба» Ричард Миллс был таким же — шелковая рубашка странного цвета, узкие плечи, копна шелковистых рыжеватых волос, тонкие пальцы с идеальным маникюром, глаза спаниеля...

Он улыбался мне чуть робко, но искренне и по-доброму.

«А ведь Ричард намного приятней всех своих гостей, бесцеремонных, наглых, мордастых, пьющих его виски и бьющих его стаканы, матерящихся и орущих, — вдруг подумал я. — Зачем ему все это нужно? В Манхэттене десятки гей-клубов, где ему — деликатному, милому — были бы ой как рады!»

— Привет, Ричард! — Я пожал его тонкие длинные пальцы. — Все великолепно. Как всегда. А музыка — так просто волшебная...

— Что толку, если ты сразу уходишь? — грустно вздохнул он. — И не пил ничего. Ли, конечно, вообще не пришел?

— Он работает.

«Или трахает сразу двух волшебной красоты девочек — черную и белую», — хотел добавить я, но постеснялся. Грустный англичанин мог подумать, что я грублю, а мне бы этого не хотелось. Грубиянов в его салоне хватало и без меня.

— Да, Ли у нас теперь прямо живой классик! — широко улыбнулся Миллс. — Американский Микеланджело! Когда-нибудь нам не поверят, что мы с ним за руку

здоровались, верно? Кстати, — Ричард чуть замялся, — многие до сих пор думают, что вы — любовники.

— Ну и что? — Я искренне развеселился. — И не думай никого разубеждать! Это даже прикольно! И потом слово «любовник» ведь происходит от слова «любовь», а я люблю Ли как родного. Так что все правильно.

— Как ты хорошо сказал: «От слова “любовь”...» — Уголки глаз у Ричарда опустились еще больше, сделав его окончательно похожим на грустного щенка.

Мне не терпелось уйти — предчувствие доброго колдовства носилось по сердцу горячим комком, — но Миллс все стоял рядом, словно был здесь не хозяином, а таким же гостем, как и я. К тому же у меня возникло странное ощущение, что он хочет сказать мне что-то, но никак не решается. Так и оказалось.

— Стивен, дорогой, — опустив щенячьи глаза, выдохнул Ричард, — ты же не обидишься, если я скажу, что кое-что знаю о твоих... проблемах?

— Проблемах? — переспросил я.

— Я о работе. — Англичанину явно было неловко. — Видишь ли, у меня есть хороший друг в телевизионных кругах. Он уже не молод и очень богат.

«Понятно, — сформулировал я про себя, — типичный старый пидор».

— И вот я... Одним словом, я поговорил с ним о тебе. Без твоего разрешения, извини. — Ричард забубнил быстрее, словно опасаясь, что я его не дослушаю или ударю. — Так вот, ему очень нравится все, что ты делал! Он так и сказал, а мне он не врал бы! Он готов встретиться с тобой для серьезного разговора. Он... очень влиятельный человек на ТВ, правда! Это серьезно. И еще... Он сказал, что уладить вопрос с Полом — не проблема.

Вопрос с Полом...

Пол Фуксман по кличке Пол Диванчик — сука, сволочь! — был моим боссом, моим проклятием, моим рабовладельцем. Он заслонял мне солнце, он лил яд в мой утренний кофе, он омрачал мои оргазмы!

И вдруг: «Вопрос с Полом — не проблема»! Вот так просто.

«Пидарасы правят миром», — любит повторять мой друг Ли. Похоже, он прав.

— Так как? Встретишься с ним? — Миллс смотрел на меня так, словно просил о чем-то, а не пытался оказать сумасшедшую услугу.

Все-таки сказать, что жизнь — странная штука, значит не сказать ничего. Два часа назад то, что предложил мне белобрысый английский гей Ричард Миллс, было бы для меня самым большим счастьем за последние четыре года. Было бы спасением, чудом из чудес, чем-то невероятным и потрясающим. Но в этот миг во мне властно и нетерпеливо пульсировало только «Ханна из Уислрод-Тауна, Ханна из Уислрод-Тауна...» Абсолютная слепая вера в чудо в чистом виде, по сравнению с которой все слова Ричарда казались пустым офисным трепом двух секретарш.

— Мне же необязательно отвечать прямо сейчас, да, Ричард? — Я положил ладонь на его худое, как у недоразвитого подростка, плечо. — Еще поговорим об этом, окей? Но все равно спасибо. Ты — удивительный, замечательный человек!

«Хоть и англичанин», — обязательно добавил бы Ли.

Но я, конечно, ничего добавлять не стал. А просто улыбнулся на прощание и шагнул к выходу — к роскошной дубовой двери, стекло которой огни никогда не спящего города превращали в ослепительный разноцветный витраж.

ГЛАВА 2

Существует минимум десять тысяч причин прожить жизнь в Нью-Йорке. И одна из них — осень. Та самая нью-йоркская осень, когда лето уходит, забрав с собой жару, но забыв выключить тепло, и огромный город нежится, проносясь под медленно опадающими листьями столетних деревьев. И люди, и дома, и машины знают, что это блаженство пришло не навсегда: ласковое время скоро закончится, сменившись слякотью, короткими и буйными снегопадами, а затем — пронизывающим ледяным ветром, зло дующим с океана до самой весны.

Но эта временность не убивает чуда осени. Наоборот, добавляет в него кисло-сладкую ягоду грусти, делая все вокруг еще более прекрасным и нежным.

С моего старого железного балкона — я, кажется, еще не хвастался — виден Сентрал-парк. Не весь, конечно, лишь узкий кусок, в который упирается Западная 86-я улица. Но и этого достаточно, чтобы утром, выйдя на балкон с первым кофе, любоваться огромным ржавым лоскутом листвы, среди которого то тут, то там горят пятна чистого золота или другие, пронзительно кровавые, как бусинки граната.

Правда, здесь темнеет рано, и красота прячется до утра, но зато становится сильнее запах прелой травы и сухих листьев. Осеннее вино моего города...

Даже сейчас, выйдя из салона Миллса, я не почувствовал прохлады. Просто тепло было особенным, вечерним,

и я решил не брать такси, а пройти пешком, хоть и понимал, что идти придется долго, несколько часов. Последние дни я вообще часто выходил на улицу без причины. Просто чтобы ощутить себя частичкой чуда по имени осень.

В эти дни не казались грозными даже копы. Словно они были привычными призраками Манхэттена, оберегающими теплую осень, пропитанную запахом прелых листьев и вечности.

Проходя мимо дома Ли, я поднял глаза. Окна мутно светились. Он работал, конечно же, работал, так что я не обманул доброго рыжего Ричарда Миллса. На секунду меня охватило сомнение, до жути захотелось прийти к Ли и все ему рассказать, но я тут же одернул себя. К таким друзьям, как Ли, нужно приходить с готовым чудом, а не с полуфабрикатом.

«Так... Уислрод-Таун, зовут Ханна», — на всякий случай еще раз повторил я, хотя знал, что не забуду ни имени, ни названия городка, даже если захочу.

И я зашагал дальше, вспоминая этот день, который начался так обычно.

Навстречу шли люди — молодые и старые, веселые и грустные, черные и белые. Но ни один из них не знал моей тайны. А попытайся я ее рассказать, меня приняли бы за очередного шизофреника, из тех, которые тысячами бродят по улицам Нью-Йорка. А я вовсе не был шизофреником. Я был нормальным, не особенно крупным 27-летним парнем по имени Стивен Райт, у которого сначала все было хорошо, а затем все стало плохо. Который, наверное, сдох бы в канаве или наложил на себя руки, если бы не его друг Энди Ли, потрясающий художник и лучший человек на свете. Но Нью-Йорк — старая, потертая временем толстая книга, в ней таких историй —

миллион, и, шагая по Авеню Америк в направлении дома, я мог сколько угодно рассказывать о случившемся лишь одному человеку — самому себе.

Собственно, сегодняшний день ничем не отличался ни от вчерашнего, ни от позавчерашнего. Вернее, не отличался бы, если бы меня, идущего в «мужской клуб» вдоль Сентрал-парка, не окликнул Американский Герой — наша местная знаменитость, старый длинноволосый бомж с красным лицом и на удивление живым взглядом молодых сине-серых глаз. Американский Герой был такой же неотъемлемой частью нашего микрорайона, как хлебный магазин на углу или газетный киоск напротив магазина. За последние пару лет эту сторону парка почистили, бомжей отвезли в муниципальные дома престарелых и просто разогнали, но Американский Герой никуда не делся (ходили слухи, что копы попросту боятся с ним связываться, хотя это, конечно, было полной ерундой).

Иногда Герой исчезал куда-то на пару дней, но всегда возвращался, каждое утро садился у бордюра на старый ящик и внимательно рассматривал текущую мимо толпу. Изредка, выделив в ней кого-нибудь, он кричал:

— Эй, мистер! Иди-ка сюда, я потру тебе пуговку на удачу!..

Вместо «мистера» могла, конечно, быть и «мисс», и «мэм», но чаще он почему-то выбирал мужчин.

Незнакомые люди почти всегда проходили мимо, приняв его за обычного попрошайку.

— Идиоты! — шипели им вслед мы, живущие поблизости.

О пуговке, потертой на удачу, ходили легенды. С ней связывали чудесные исцеления от болезней, карьерные взлеты, любовные победы и еще много чего.

Поселившись в своей двушке в Верхнем Вест-Сайде шесть лет назад, юный, успешный, наглый, я, естественно, только потешался над этим придурковатым суеверием. Потешался долго. Пока не осознал, что верю в него точно так же, как и все остальные. Тем более жизнь моя, стремительная и красивая, как ракета на старте, очень быстро превратилась в полное говно, а лузеры всегда верят в чудеса больше везунчиков. Хотя бы потому, что ничего более им не остается...

Я был знаком с Американским Героем. Не раз покупал ему хот-доги, блок сигарет или бутылку бурбона. Как и многие другие. Но ни разу за шесть лет или около того я так и не слышал от него волшебной фразы.

Поэтому сегодня я даже не обернулся, услышав его голос.

— Эй, Стиви-бой! — прохрипел бомж мне в спину. — Тебе что, уши заложило? Или пуговицу жалко?

Я замер, медленно оглянулся и подошел к Герою (когда и почему он получил такую кличку, не знал никто).

Он сидел на поскрипывающем деревянном ящике и смотрел на меня снизу вверх. В его взгляде не было и тени чего-то волшебного или особенного, но сердце у меня в груди застучало молотком.

— Куда летишь? — недовольно проворчал он. — Успеешь. Подойди-ка ближе, вставать неохота.

Я был в костюме, поэтому с пуговицей проблем не возникло. Американский Герой равнодушно потер одну из них крепким грязным пальцем и довольно причмокнул.

— Думаешь, пришла пора? — криво улыбнувшись, спросил я.

— А то ты сам не знаешь! — закуривая и выпуская ядовитое облако, прохрипел бомж. — Самое что ни на есть время. Устал я смотреть, как ты маешься.

— А откуда ты знаешь, что я... ну... маюсь, как ты выразился?

Я никогда, ни разу не жаловался Герою на жизнь, это я помнил точно.

— Просто вижу, и все, — равнодушно пожал плечами бомж. — Жизнь, она вообще совсем не такая, как люди привыкли думать, Стиви-бой. Запомни это. Со-овсем не такая. В ней столько всего! У-у-у... А когда наступает полная жопа — вот тут-то и жди настоящих чудес!

— Слушай, а почему тогда другие не видят того, что видишь ты?

— А почему свиньи не видят неба?! Да потому что так устроена их свинская жизнь! Вот и людям устроили такую жизнь, чтобы они тянули лямку, ничего вокруг не замечая. Ладно, все, иди, хватай свою удачу!

И он улыбнулся, показав крепкие, как у лошади, зубы.

ГЛАВА 3

Идя домой, я собирался выехать в Уислрод-Таун прямо сейчас, сразу, но, открывая дверь и посмотрев на часы, понял, что осень меня обманула — несмотря на темноту, было полдесятого, и припереться к этой самой Ханне среди ночи, как идиот Винс, я не планировал.

Но и спать не хотелось совершенно. Как назло.

Я разделся, принял душ, включил бубнящий телевизор, но сонливость упорно не наступала. Оно и понятно — не тот день. Как говорится, такие дни бывают раз в жизни, и то далеко не у всех. Правда, я до конца и сам не понимал, что со мной на самом деле произошло и произойдет, но это было неважно — меня словно несло невидимое могучее течение, бодрое и радостное. Ничего даже близко похожего на сомнение я не чувствовал. Только ожидание было невыносимым.

Мысль навестить Американского Героя пришла ниоткуда, сама собой, но уже через секунду мне казалось странным, что можно было поступить иначе.

Бутылка виски у меня была — стояла на видном месте, на пианино, которое досталось мне вместе с квартирой. А вот в холодильнике было пусто, и я решил, что куплю пару горячих кебабов в тесте в пекарне на углу — она иногда работала всю ночь. Быстро надев джинсы, кроссовки и набросив свитер поверх футболки, я бросил бутылку в старый помятый пакет и снова вышел в ночную прохладу осени.

Пекарня работала. Молодой улыбчивый араб вложил мне в руки большой, горячий пакет, пахнувший так вкусно, что я сразу почувствовал голод. И поспешил к парку.

Долго искать Американского Героя не пришлось. Чтобы не дразнить копов, он расположился в неглубокой, но густо заросшей ложбине Централ-парка совсем рядом со входом. Железная бочка, в которой бушевал огонь, отбрасывала багровые блики на густой увядающий кустарник. Стоящая неподалеку палатка была такой идеально ровной и большой, что напоминала школьную картинку о Гражданской войне.

Когда я ступил из черноты в пятно света, Герой не испугался и не удивился. Только едва заметно скривил в улыбке губы, подняв на меня насмешливые глаза.

— Что, не спится? Понимаю. Погоди, чем это пахнет? Неужели кебабами? Отлично! Давай сюда!

Я отдал ему пакет и бутылку, подтащил ближе к огню еще один деревянный ящик — точно такой же, как тот, на котором сидел Американский Герой. Сам он уже всю жевал, успев хорошо приложиться к бутылке.

— А ты сам-то будешь? — спросил бомж.

— Буду. Я голодный.

— Тогда держи. — Он протянул мне пакет, и я взял в руки дурманяще пахнувший арабский пирог.

— А глотнуть?

— Нет, спасибо, я не буду. Мне нужно на рассвете уехать.

— Ну и что? — удивился Герой. — Глоток виски еще никому в этой жизни не помешал, можешь мне поверить. Поедешь с ветерком!

Я послушно приложился к бутылке. Сразу стало тепло, хотя и раньше я не чувствовал, что замерз. Кебаб был

восхитительным. Уютно трещали ветки в огне. Было потрясающе.

Я вдруг остро почувствовал, насколько волки (да и вообще животные) свободнее и счастливее людей, смотрящих на мир из крошечных окон своих душевных комнаток.

Минуту или две мы молчали. Первым заговорил я:

— Спасибо, что подарил мне этот день, Герой. Спасибо за чудо!

— Чудо? — Бомж даже оторвался от бутылки, повернув ко мне удивленные глаза. — Какое еще на хрен чудо?! Ты меня вообще за кого держишь? За этого... как его... Гарри Поттера? Чудо... На, глотни, прочисти мозги.

Он протянул мне бутылку, и я послушно сделал большой глоток. Затем, не отрывая глаз от лютующего в бочке огня, второй.

— Чудо! — сердито проворчал Американский Герой. — Надо же такое загнуть! — Он с видимым удовольствием надкусил очередной кебаб.

Мы вообще разговаривали с набитыми ртами, но при этом прекрасно понимали друг друга.

— Я потер тебе пуговку на удачу! На у-да-чу, понял? А удача и чудо — разные вещи, Стиви-бой. Совершенно разные, не путай.

Я вспомнил об Энни, и сердце кольнуло, как будто в него вонзили длинный корявый шип.

— Одной удачей мне не обойтись, Герой. Мне нужно чудо.

— Мало ли что тебе нужно! — Покончив с последним кебабом, он придвинул скрипнувший ящик ближе к огню и бросил пакет в бочку. — За чудесами — это не ко мне. Да и вообще держись от них подальше, мой тебе со-

вет! Вот удача — другое дело, она еще никому не мешала. Дай глотнуть.

— Держи! — Я протянул ему бутылку. — А чем чудо хуже удачи?

Американский Герой ответил не сразу. Сначала глотнул виски, медленно закрутил бутылку и с удовольствием закурил, достав мятую пачку сигарет.

— Ну хотя бы тем, что за него всегда приходится дорого платить, — медленно и задумчиво проговорил он наконец.

А я вдруг почувствовал, что опьянел, хоть и выпил совсем немного, пару глотков. К тому же вслед за мыслями об Энни на меня обрушилась целая гора неизвестно как проникших в это лесное укрытие воспоминаний и чувств. Главным из них была обида на мир. Я вдруг остро почувствовал себя ребенком — несправедливо обиженным, брошенным в мир чужих, взрослых, злых и несправедливых людей. И даже не удивился, почувствовав на глазах слезы — в этот миг мне было семь, а не двадцать семь, поэтому плакать было совсем не стыдно.

Американский Герой все так же молча курил, глядя в огонь.

— Почему ты никогда ничего не рассказываешь о себе, Герой? — спросил я, молясь, чтобы он не заметил моих слез.

— А зачем? — не поворачиваясь, отозвался он. — Бог и так все знает, а людям хватает своего горя.

— А хочешь, я расскажу тебе свою жизнь? — шмыгнув носом, спросил я.

— Нет, не хочу, — вздохнул Герой, — но ты же все равно расскажешь, так что можешь начинать.

И он задумчиво бросил окурочок в раскаленную бочку.

ГЛАВА 4

— Я родился в Беннингвилле, штат Оклахома. Сейчас мне самому дико осознавать это, но так оно и есть. Самое смешное, что я не чувствовал себя несчастным в этом городке одинаковых домиков и белых заборов. Детство же не знает, что где-то там, за тысячу миль, есть другая жизнь, поэтому радуется тому, что имеет.

Мой отец всю жизнь — от окончания школы и до смерти — проработал дежурным механиком на местной электрической подстанции. Мама каждое утро провожала его на работу, с нежной улыбкой упаковывая большие бутерброды в чистый пластиковый пакет.

Там, в Беннингвилле, все знали друг друга и здоровались. Лет до десяти я, как и остальные ребяташки, звал шерифа Пауэлла «дядя Джек». Двери домиков не закрывались. Воскресным утром город вымирал — все были в церкви, даже шериф с помощником, толстый доктор Батлер и обе его помощницы.

Телевизионных каналов, согласно общему единогласному решению, было восемь — как я понимаю теперь, самых скучных и консервативных в Соединенных Штатах Америки.

Компьютерами детям разрешали пользоваться только в школе, во время уроков.

Преступлений в Беннингвилле не совершали (я лично не припомню ни единой драки, кроме детских потасовок в школе). Никто не изменял мужьям и женам. Никто

не переизбирал мэра Дэниэла Саттона, художника, который ездил на работу на велосипеде.

На уик-энды на всех лужайках перед домами загорались барбекю, и весь Беннингвилл пах жареными колбасками. День независимости и Рождество каждый год праздновали настолько одинаково, словно боялись допустить загадочную роковую ошибку.

Школьные матчи по баскетболу и спектакли смотрел весь городок (живущие около школы приходили, я помню, со своими стульями, чтобы никому не пришлось стоять).

Все свадьбы и похороны тоже выглядели одинаково. Умирали в Беннингвилле только от старости. Женились один раз. Никто ни разу не разводился.

Я не припомню ни одного странного имени. Моего отца звали Джон. Мою мать — Марша. В моем классе было четыре Джонсона, три Джексона, три Брауна и два Райта (включая меня).

Вот каким оно было — место на огромном земном шаре, где дежурный механик Джон Райт и его жена, домохозяйка Марша Райт, подарили мне жизнь.

Но как же хорошо я помню день, когда изменился мир! Была пятница. Громко и причудливо просигналив, около нашего дома с визгом затормозила сверкающая машина без крыши. Из нее вышла стройная женщина с копной огненно-рыжих волос на голове, с хрустом потянулась, раскинув руки, и щелчком отбросила прямо на дорогу тонкую черную сигарету с золотым кончиком (я обмер — ни одной курящей женщины я до того дня не видел). Мне очень хотелось убежать, но ноги не слушались, поэтому я так и замер столбом прямо у порога. Джинсы обтягивали ноги незнакомки так плотно, что она казалась голой. Каблуки красных туфель были высотой

с карандаш. Большие черные очки прятали глаза. Ногти были длинными и багрово-красными, под цвет туфель.

Подойдя ко мне, она нагнулась и сдвинула очки на край носа, показав огромные зеленые, как у сказочной кошки, глаза. Пахло от нее потрясающе.

— Это ты, шкет, Стивен, что ли? — с хрипловатой смешинкой спросила незнакомка. — Ешь побольше морковки — телки любят высоких, понял?

Так в моей жизни появилась Энни. Блудная младшая сестра моего отца, позор семьи, скелет в шкафу добропорядочного дома и страшный сон всего Беннингвилла. В шестнадцать лет она сбежала из дому и вернулась только сейчас, в двадцать пять. Неудивительно, что я о ней ничего не знал! Мать, возвратившись от соседки, едва не упала в обморок, увидев Энни. И понятия не имела, о чем с ней говорить, пока не пришел с работы отец, который тоже понятия не имел, о чем говорить с Энни.

Но это было не страшно — Энни говорила за троих. Налив себе чуть ли не полстакана виски и покуривая свои красивые сигаретки, она бодро поведала, что живет в Нью-Йорке, второй раз замужем («его фамилия Родригес, бандит, ясное дело, и ревнивый как сволочь, но зато бабок у него!..»).

За один вечер я, одиннадцатилетний, услышал в сто раз больше неприличных слов, чем за все предыдущие годы. Прежде чем бледная как полотно мама опомнилась и тихо, с трудом произнесла:

— Стиви, дорогой, иди к себе.

— Да ладно, чего ты, в самом деле, Марша! — звонко возмутилась Энни. — Завтра же выходной! Пусть пацан с нами потусуется, ему же интересно!

Я, конечно же, послушал мать, поднялся, вежливо пожелал всем спокойной ночи и ушел к себе. Но долго не

мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. Я боялся, что отец выгонит свою «неприличную» сестру, и завтра, когда я проснусь, потрясающий инопланетный автомобиль уже не будет сверкать около нашего дома.

Но я ошибся. Скорее всего, отец боялся Энни не меньше меня. По-другому, но не меньше.

Я знаю — это Бог послал мне Энни. Чтобы я стал самим собой. Чтобы не проработал до смерти дежурным механиком подстанции Беннингвилла — городка с белыми заборами и восемью телевизионными каналами.

«Тетей» я назвал ее ровно два раза. Первый раз — за столом, в тот день, когда она впервые приехала. Когда я произнес «тетя Энн» на следующий день, она, подойдя, крепко взяла меня за плечо когтистой лапой и выдала:

— Значит, так, Стивен Райт. Еще раз назовешь меня «тетей», я оторву твою тощую задницу и скормлю ее воронам. Из-за тебя я чувствую себя старухой, понял, маленький говнюк?

Я испуганно сглотнул, но все же не промолчал:

— Вы не можете быть старухой. Вы такая... молодая...

Энни криво улыбнулась:

— Ну-ну, уже лучше. Растешь на глазах.

Так в моей жизни появилась Энни. Она осталась на две недели, затем приехала еще через пару месяцев. Затем — еще... Приезжала она только ради меня. Я знал, чувствовал. Да она и сама не скрывала.

Я ничего не утаивал от Энни. У нее был ответ на любой вопрос, совет на любой случай жизни. Пересыпая крепкими словечками, она весело и ненавязчиво сделала то, что не смогли сделать ни отец с матерью, ни школьные учителя, ни приятели — рассказать мне о жизни: о чем она, эта жизнь, огромная и прекрасная,

о большом Добре и таком же большом Зле, о деньгах и сексе, об успехе и нищете... Одним словом, обо всем!

Она же научила меня водить машину. Это был алый, как кровь, «Мерседес Кабрио» (до встречи с Энни я, кстати говоря, был убежден, что машины бывают только американские и японские).

— Запомни, Стиви, реальные мужики ездят только на машинах с ручными коробками передач, — как всегда коротко и ясно объяснила Энни. — Потому что только на них чувствуешь, что сам управляешь своей жизнью! «Автоматы» — для лузеров и небритых фермеров на раздолбанных пикапах. Смотри сюда! Выжимаешь сцепление... Первая, вторая, третья, четвертая, пятая... Понял?

Я ничего не понял. Я даже ни разу до этого не сидел в машине с этой самой «механической коробкой». Но уже через неделю летал по окрестным дорогам, с визгом проходя перекрестки и оставляя на асфальте черные следы протекторов.

— Умница! — одобряла Энни. — Все у тебя получится в этой жизни. Я спокойна.

На тринадцатый день рождения смирившийся отец не хотя отпустил меня к Энни в Нью-Йорк (о другом подарке я и слушать не хотел). К тому времени она уже успела развестись с загадочным Родригесом, снова выйти замуж и снова развестись.

Город потряс меня. Он был круче моих самых смелых фантазий, Городом городов, центром Земли.

По его улицам то ползли, то неслись все автомобили мира.

Его телевизоры показывали больше ста каналов, на каждом из которых, греша напропалую, Добро и Зло вели свою вечную войну.

На день рождения Энни мне подарила проститутку. Дорогую. Молоденькую, деликатную и умелую.

Утром я смотрел на мир так, словно он принадлежал мне. И чувствовал, что уже никогда не стану прежним.

— Ну, добро пожаловать, — сказала мне тогда Энни, смерив меня долгим внимательным взглядом.

Нужно ли говорить, насколько невыносимым было снова оказаться в Беннингвилле?!

Одноклассники казались мне маленькими детьми, взрослые — лузерами и дебилами. Сам городок с его заборами и лужайками — нелепой декорацией к школьному мюзиклу.

К тому же меня все больше удивляли мама и отец. То, что в детстве я замечал, но не анализировал, теперь не давало мне покоя. Они по-прежнему смотрели друг на друга со спокойной нежной любовью. Мама всегда улыбалась, утюжа белье отца. Отец всегда улыбался, чистя ее туфли. Они обожали друг друга. И в этом их обожании я определенно был лишним. Честно говоря, я ожидал, что они будут воевать за меня с Энни, но этого не произошло. Предки, наоборот, еще больше сблизились — например, по вечерам часами молча сидели в креслах на веранде, глядя на улицу, по которой изредка проезжали те самые «лузеры на пикапах», о которых говорила мне Энни.

Я не переживал. Я привык, потому что так было всегда. Мои родители меня не любили.

— Не говори так, — серьезно сказала Энни, когда во время ее следующего приезда я поделился с ней своими выводами. — Они, конечно же, любят тебя. Просто друг друга они любят в тысячу раз больше. Так бывает, я слышала...

Прошло несколько лет. Однажды утром мама мыла посуду и вдруг, замерев, упала замертво — оторвавшийся тромб закупорил сердце.

Отец умер на следующий день, когда выбирал маме гроб в лавке Сэма Питерса. Просто в какой-то момент рухнул и ударился виском о тяжелую дубовую крышку. Даже приехавшая из Лутона комиссия не смогла определить, что убило отца, — остановка сердца или рана на голове. Да это и не имело значения.

Их хоронили вместе — Джона и Маршу Райт, которые учились вместе с первого класса, признались друг другу в любви в пятом, поженились в восемнадцать лет и умерли в один день.

Я, их единственный сын Стивен, стоял рядом с прилетевшей на похороны Энн и ждал одного — когда же все это наконец исчезнет из моей жизни: заунывный голос священника, запах земли, тупые скорбные лица стоящих у могилы и вообще — весь невыносимый город Беннингвилл, штат Оклахома...

ГЛАВА 5

— Эй! Подъем! — Голос был негромким, и я проснулся скорее не от звука, а оттого что Американский Герой не грубо, но довольно настойчиво тряс меня за плечо. — Один мой знакомый собирался, кажется, куда-то выезжать на рассвете?

Я открыл глаза, причем на удивление легко. Еще одно преимущество жизни в лесу. Было темно, но утро вовсю выдавало себя — заливались птицы, на травинках повисли капли росы, кусты и деревья, словно призраки, вышли из мрака в ожидании солнца, которого еще и близко не было.

К моему удивлению, Американский Герой был раздет до пояса, и на его немолодом, но неожиданно крепком торсе кое-где поблескивали капельки пота. Я и подумать не мог, что по утрам он делает гимнастику.

Но еще удивительней было то, что сам я — как был, в джинсах и свитере, — лежал в старом, прожженном в нескольких местах стеганом спальнике. Как я в него забирался, я не помнил совершенно.

— Ну, давай поднимайся, — сказал Герой, легко вставая с колен. — А я — к ручью, принимать водные процедуры. Самое время.

В спальнике было очень уютно и тепло, и выбираться из него совсем не хотелось. Но я заставил себя рывком подогнуть колени и вскочить на ноги.

Из всех воспоминаний вчерашнего вечера остался только вкус виски и кебабов. Дальше зияла черная дыра.

— Скажи, Герой, я тебе вчера вечером что-то рассказывал?

Бомж хохотнул:

— Что, ничего не помнишь? Неудивительно. Ты же вырубился прямо с остатком кебаба в руке, Стиви-бой! Чуть мордой в огонь не упал! Пришлось тебя упаковать от греха подальше.

— И что, я даже во сне ничего не говорил?

Мне все еще не верилось, что мои детство и юность всего лишь приснились мне. Скорее всего, бомж решил проявить деликатность. Но его светлые глаза смотрели на меня честно и с чуть насмешливым удивлением.

— Спал как сурок! Даже не храпел, за что тебе отдельное спасибо. Как и за ужин, кстати. Было очень вкусно.

Все еще сомневаясь, я потер глаза, потянулся, несколько раз резко раскинул руки и почувствовал наконец что-то вроде рассветной бодрости. И еще почувствовал, что вчерашняя вера в чудо (или в удачу, как почему-то упорно называл ее бомж) никуда не делась. Более того, она была реальнее, чем все то, что мы привыкли называть реальностью.

— Это тебе спасибо, Герой!

— Ладно, — тепло улыбнулся он. — Давай двигай. А то я простужусь. Все-таки не май месяц.

— Пока!

Я пожал его шершавую, как пергамент, ладонь, повернулся и побрел в сторону улицы, ориентируясь на шум проезжающих машин.

— Эй, Стиви-бой! — вдруг крикнул мне издалека Американский Герой.

Літературно-художнє видання

РОГОЗА Юрій

Ханна, відьма

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *А. В. Альошичева*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 04.11.2021. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 7032 від 27.12.2019 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

РОГОЗА Юрий

Ханна, ведьма

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *А. В. Алёшичева*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 04.11.2021. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 7032 от 27.12.2019 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

**Для оптовых клиентов
Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Стівен Райт майже втілив у життя американську мрію й підкорив Нью-Йорк. Та настала чорна смуга. Кар'єра Стіва рухнула, бос, вичавивши з його таланту максимум, викинув на вулицю, а єдина рідна людина доживає останні дні. Якби не підтримка найкращого друга Лі, Стів укоротив би собі віку. Аж ось одного разу доля дає йому знак. На одній з вечірок він чує від зачмелілого гостя про молоду відьму Ханну, котра живе в якійсь глушині. Та це шанс повернути удачу! Про плани знайти відьму Стів розповідає беззаставно, що його весь Манхеттен знає як Американського Героя. Той, указуючи шлях до Ханни, застерігає Стіва: за кожне диво потрібно платити. Якою ж буде ціна для Стівена?

Рогоза Ю.

Р59 Ханна, ведьма : роман / Юрий Рогоза. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 240 с.

ISBN 978-617-12-9288-8

Стівен Райт почти воплотил в жизнь американскую мечту и покориł Нью-Йорк. Но наступила черная полоса. Карьера Стива рухнула, бос, выжав из его таланта максимум, выбросил на улицу, а единственный родной человек доживает последние дни. Если бы не поддержка лучшего друга Ли, Стив свел бы счеты с жизнью. Но вот однажды судьба дает ему знак. На одной из вечеринок он слышит от подвыпившего гостя о молодой ведьме Ханне, живущей в каком-то захолустье. А ведь это шанс вернуть удачу! О планах найти ведьму Стив рассказывает бездомному, которого весь Манхэттен знает под прозвищем Американский Герой. Тот, указывая дорогу к Ханне, предостерегает Стива: за каждое чудо нужно платить. Какой же будет цена для Стивена?

УДК 821.161.1